

Глава 6

Ланс намеренно позволил дождю вымочить себя до нитки.

Во-первых, холодная вода помогала сбить жар, во-вторых, жалкий, продрогший вид был лучшей маскировкой — так он мог не бояться, что кто-то заметит в нём неладное. Когда юноша добрался до общежития для первокурсников, его футболка превратилась в мятую мокрую тряпку, брючины облепили икры, а с ресниц непрерывно стекали капли.

Его лицо пылало нездоровым румянцем, дыхание сбилось, а тело сотрясала мелкая дрожь. Казалось, ночной ливень пропитал его до самых костей, и он вот-вот свалится с тяжёлой лихорадкой.

Ланс был мастером перевоплощений и обожал играть роль невинной и хрупкой жертвы, но сейчас ему даже не приходилось притворяться — бушующий шторм информационной эссенции терзал его всерьёз.

Здание общежития было самым удалённым строением на территории университета Синчжоу. От знаменитого Парка гигантских ящериц его отделяла лишь высокая стена. Огромная башня в десять с лишним этажей уходила вершиной в низкий туман. Здание имело цилиндрическую форму и было абсолютно прямым; в центре зияло пространство огромного круглого атриума диаметром в пятьсот метров, на дне которого зеленела круглая лужайка — место, где студенты могли тренироваться или отдыхать в свободное время.

Заведующая общежитием, пожилая женщина, окинула юношу взглядом мутных желтоватых глаз. Лишь спустя некоторое время она соизволила оторваться от сериала на мониторе и недовольно проворчала:

— Почему так поздно?

Она проигнорировала и шелковую ленту, скрывавшую его шею, и пятна крови на футболке, и даже хаотичные волны информационной эссенции, которые Ланс уже не мог сдерживать.

Он прижал тыльную сторону ладони к губам, заходясь в сухом кашле. Юноша опустил глаза и принялся нервно мять ладонь, словно скрывая какую-то постыдную тайну, и мимоходом поправил ленту на шее.

Взгляд женщины замер на его стройной, незащитной шее. Тонкий шелк не мог удержать аромат — приторно-сладкий запах звёздной магнолии мгновенно заполнил тесную каморку вахтёра. В этом возрасте информационная эссенция Омеги была похожа на аромат только что распустившихся лепестков — чистая, лишённая агрессии и наполненная неосознанным соблазном.

В этом университете, с информационной эссенцией звёздной магнолии и такой хрупкой внешностью — он был идеальной мишенью, на которой сошлись все возможные беды.

В глазах комендантши вспыхнуло откровенное отвращение. Глядя на его растрёпанный вид, она не сомневалась, что он только что вернулся с какого-то грязного свидания.

— Осталась только одна свободная комната. И надо же, в этом году учитель Эрдиф расщедрился, ни одного места не пустовало. Держи, 304, — она швырнула ключи и снова уткнулась в монитор.

Ей меньше всего хотелось выслушивать жалобы на то, как кто-то «посягнул на его невинность», или просьбы не селить его в одну комнату с Альфой. Синчжоу — не детский сад. Здесь каждый должен понимать: администрация даёт знания, а за свою безопасность студент отвечает сам.

Пока не портится школьное имущество и не страдает репутация заведения, руководство предпочитает закрывать на всё глаза. Раздельное проживание Альф и Омег? В Синчжоу это посчитали бы пустой тратой ресурсов.

Поэтому каждый год кто-нибудь из студентов уходил в академический отпуск из-за внезапной беременности, а вспыльчивые Омеги периодически «случайно» отправляли соседней-Альф в реанимацию с раздавленными яйцами. Разумеется, официально такие случаи оформлялись как «уход по состоянию здоровья».

Ланс не стал расспрашивать ни про ранг, ни про пол своего соседа. Он сохранял на лице выражение растерянности, подобающее новичку, который ещё не осознаёт всей серьезности ситуации. Схватив ключи, он пошёл к лифтам, оставляя за собой на мраморном полу цепочку блестящих мокрых следов.

— Тьфу, змеёныш, — злобно прошипела ему в спину заведующая. — Расплескал свои феромоны, чтобы мужиков завлекать, а сам корчит из себя обиженного.

Услышав про «обиженного», Ланс, стоя спиной к камере, чуть сильнее надвинул кепку на глаза и, преодолевая боль, криво усмехнулся.

«Жаль, что Эрдиф не обладал и половиной проницательности этой старухи, иначе не сдох бы так быстро»

Впрочем, улыбка быстро сошла с его лица. Действие недавно принятого стабилизатора заканчивалось. Сознание поплыло, а железа на шее пульсировала обжигающей болью.

За каждый призыв Внешнего бога Лансу приходилось платить. Иногда это была бессонница, когда каждое мгновение превращалось в пытку психическим осквернением, иногда — шторм

информационной эссенции с лихорадкой и невыносимой болью. Тогда приходилось глушить симптомы огромными дозами лекарств, зная, что это лишь отсрочка. Хуже всего было, когда оба недуга наваливались одновременно. Обычно это длилось около месяца. Боль была единственной платой за силу.

Но он привык к этому с детства.

Когда юноша нашёл дверь с номером «304», он был уже на пределе. Он попытался вставить ключ в скважину, чувствуя, как сильно дрожат пальцы. Замок поддался, механизм щелкнул, и засов ушел в паз.

Ланс заставил себя сосредоточиться.

«Сейчас я войду. Нужно найти момент, подойти поближе к соседу и незаметно выпустить Мотылька Эжун. Когда его увезут с приступом миокардита, я свяжусь с Безумным Клоуном, чтобы он вытащил меня отсюда»

В гильдии Высокая Башня были лучшие медицинские капсулы, там он пришёл бы в себя гораздо быстрее. Разве что пришлось бы выслушать очередную порцию стенаний и нотаций от отца, Старого Ланя.

Дверь поддалась.

Ланс выдохнул и толкнул полотно. Теплый желтоватый свет из комнаты упал на его мокрые ресницы. В лицо ударил влажный, нагретый воздух, но не успел он сделать и шага, как дверь резко распахнулась настежь.

— Что-то нужно?

Ланс замер, застигнутый врасплох.

Стоящий перед ним человек явно только что вышел из душа. Вода крупными каплями стекала по его кадыку, очерчивая рельефные мышцы груди и пресса. Юноша видел немало тренированных бойцов в своей гильдии, но такие безупречные пропорции встречались редко. Было очевидно, что этот человек живёт в режиме постоянных нагрузок: чёткая линия Аполлона уходила под завязанное на бёдрах полотенце, а под тканью угадывались слишком явные мужские черты. Его длинные пальцы непринужденно и открыто покоились на предплечье, а густой, мощный поток мужских гормонов, казалось, сочился сквозь каждую напряжённую вену. Одно его присутствие кричало о силе — такие руки могли бы без труда поднять взрослого Омегу, просто обхватив его за талию.

Для Омеги, чей организм терзал шторм информационной эссенции, такое зрелище было тяжелейшим испытанием.

По виску Ланса скатилась капля холодного пота. Он порадовался, что не успел выпустить Мотылька — против такой реакции S-ранга он бы мгновенно выдал себя.

Чжань Пинчуань вскинул бровь.

— Ты?

Он почувствовал неладное ещё до того, как ключ повернулся в замке. Обладая обостренными чувствами, он уловил слабый, хаотичный аромат звёздной магнолии за дверью. Это не было обычным высвобождением — информационная эссенция была спутана и нестабильна. Было ясно, что у пришедшего проблемы.

Альфа не собирался вмешиваться — он пришёл в Синчжоу, чтобы похитить Эрдифа, а не наводить здесь порядки. Но когда он увидел, что его соседом оказался Ланс, его планы на вечер стали чуть любопытнее.

Юноша выглядел жалко. Промокшая футболка с разводами крови у воротника, грязь на брюках и эта лента на шее, которая ничуть не сдерживала рвущийся наружу аромат. Его лихорадило, кожа горела, а в глазах блестели слёзы, вызванные болью. Растрёпанные волосы прилипли к лицу — он походил на бездомного котёнка, ищущего спасения от грозы.

Чжань Пинчуань понимал, что расспросы сейчас будут лишними. Он незаметно выпустил толику своей информационной эссенции — терпкий, горький аромат горечавки, который властно окутал беспорядочные волны запаха магнолии.

— Хочешь помыться? — небрежно спросил он.

Омеги в период расстройств информационной эссенции — существа непредсказуемые. Они могут стать агрессивными, готовыми вцепиться в любого, кто подойдёт слишком близко, но в то же время они до боли ранимы. Одно неверное слово — и они зальются слезами, которые невозможно унять. Обычно мужчина держался от таких подальше.

Почуввав чужую информационную эссенцию, Ланс предсказуемо окрысился. В его взгляде промелькнула тьма, он сжал челюсти, а Мотылёк Эжун уже переполз из центра ладони на кончики пальцев.

«Сам напросился»

Но когда их информационные эссенции соприкоснулись, Ланс застыл в изумлении. По натуре он любил сладкое и ненавидел горечь, но эссенция собеседника не вызвала у него отторжения. Напротив, он бессознательно потянулся к этому густому, обжигающему аромату. Крупная дрожь прошла по его позвоночнику, колени подогнулись, и он едва не рухнул на пол.

— Ты... — голос Чжань Пинчуаня стал глубже.

Он не мог не заметить реакции Ланса. Омега, чей взгляд затуманился, чьё тело начало мелко дрожать от одного лишь запаха Альфы — это был самый мощный призыв к действию, какой только можно представить. Такая реакция означала лишь одно: их совместимость была запредельно высокой.

Юноша изменился в лице. Стиснув зубы, он удержал равновесие. Он прекрасно понимал, что Альфа выпустил успокаивающую эссенцию, и она подействовала на него слишком сильно. В одно мгновение его план кардинально поменялся.

С его висков стекала влага, дыхание стало частым, а взгляд — затуманенным.

— Пожалуйста... помоги мне.

Чжань Пинчуань мгновенно понял, о чём он просит.

«Что за чушь? Если поползут слухи, что старший наследник гильдии Глаз Демона пометил Омегу, это станет главной новостью года. И вообще, я что, похож на парня, который готов сделать это с первым встречным?»

Спустя две секунды мужчина, не говоря ни слова, подхватил насквозь мокрого и грязного юношу на руки и швырнул его на кровать. Он жёстко перехватил его тонкие бледные кисти, прижимая их к матрасу.

Ланс вскинулся, в его глазах вспыхнул гнев, он отчаянно забился в попытке освободиться.

Альфа просто переплел свои пальцы с его, окончательно лишая его возможности двигаться.

— Не дёргайся, — глухо приказал он.

В следующий миг на Ланса обрушилась волна ещё более густого, концентрированного аромата. Это было похоже на то, как если бы умирающий от жажды путник в пустыне вдруг рухнул в прохладные воды чистого оазиса. Юноша жадно вдыхал этот запах, задыхаясь от облегчения.

Но этого было мало.

Он метался в руках Чжань Пинчуаня, его ноги тёрлись о сухие простыни, он непроизвольно выгибался, прижимаясь всем телом к твёрдому прессу. Когда концентрация информационной эссенции стала невыносимой, он, ведомый лишь инстинктами, впился зубами в плечо мужчины.

Тот резко выдохнул, его взгляд потемнел. Он придавил бёдра юноши своим коленом, заставляя того смотреть прямо ему в глаза.

— Будешь плохо себя вести — помогать не стану.

Взгляд Ланса был влажным и расфокусированным. Он явно не до конца осознавал угрозу, но чувствовал раздражение Альфы. Подавляя свою натуру, он, словно в поисках ласки, потёрся кончиком носа о выступающий кадык Чжань Пинчуаня. На нём ещё дрожала капля воды, и Омега, не раздумывая, слизнул её.

Внизу живота у Чжань Пинчуаня всё сжалось.

— Хороший мальчик, — прошептал он.

Высвободив одну руку, он ласково погладил юношу по спине, а затем прижался губами к его пылающей мочке уха. Тот отвернул голову, и тяжёлые подвески из бирюзы холодили его кожу, оставляя на ней дикий, первобытный аромат высокогорных степей.

Оба понимали: это единственный путь к спасению от шторма информационной эссенции. Но чтобы облегчение стало полным, Альфа должен был оставить свой след внутри Омеги.

Ланс дрожащими пальцами вцепился в ленту на шее. Шёлк пропитался кровью, пачкая его руки. Лента была намотана в несколько слоев и никак не поддавалась. В порыве отчаяния он сам подставил свою шею Альфе, обнажая место, где находилась железа. Ему нужна была временная метка, чтобы вернуть себе рассудок.

Чжань Пинчуань отвёл его руки в сторону. Его взгляд замер на ленте, скрывавшей уязвимый орган. Он не двигался.

Альфа ставит метку только своему Омеге. После этого у Альфы просыпается инстинкт собственника, жажда безраздельного контроля над партнёром, что может превратить жизнь Омеги в тюрьму.

— ...Укуси меня, — прошептал Ланс.

Слёзы катились по его щекам, но в мыслях он уже просчитывал каждое движение. Стоит Альфе завершить метку, как он нанесёт удар. Из этой позы будет проще всего незаметно пристроить Мотылька Эжун на спину мужчины. Пока тот поймёт, что произошло, он уже будет без сознания по дороге в больницу.

Ланс никогда не скрывал от себя, что он хладнокровен и беспощаден. Без этой железной воли он, будучи F-рангом, никогда не смог бы отобрать власть у отца.

— Расслабься, — голос мужчины вибрировал от сдерживаемого напряжения.

Его ладонь скользнула под футболку, и от этого прикосновения мышцы на спине юноши непроизвольно затрепетали. Успокаивая его, Альфа подцепил край ленты двумя пальцами.

Другой рукой он отвёл в сторону влажные пряди длинных волос, а затем резким движением сорвал шёлк, закрывавший железу. Ланс зажмурился и до боли закусил край одеяла.

Однако Чжань Пинчуань не набросился на него. Его взгляд мгновенно заледенел. В его глазах вспыхнула такая ярость, что она на миг перекрыла даже зов информационной эссенции.

— Кто это сделал?

Следы когтей на шее юноши опухли и побелели от воды. Кожа вокруг железы была содрана и воспалена.

Ланс не ответил, лишь мелко задрожал ресницами. Он знал, что эти раны выглядят двусмысленно. В сочетании с его лихорадочным состоянием и бушующей эссенцией легко было представить, что какой-то высокоранговый Альфа силой подавил его своей мощью. Это идеально ложилось в образ незащитной жертвы, который он привык демонстрировать окружающим.

Разумеется, он не признался бы, что нанёс эти раны себе сам. И он не видел глаз Чжань Пинчуаня в ту секунду, иначе он бы понял, что напускное легкомыслие этого человека — лишь маска, скрывающая нечто гораздо более опасное.

Мужчина заставил себя успокоиться, подавляя вспышку ревности. Какое ему дело до чужого Омеги? Откуда это дурацкое чувство собственности?

Он окончательно размотал ленту, обнажая нежную, припухшую железу. В тёплом свете ламп кожа там казалась прозрачной и источала такой сладкий жар, что во рту становилось сухо.

Ланс знал, что будет дальше. Несмотря на всю свою выдержку и умение терпеть боль, он невольно съёжился. Его не волновали мораль или стыд, но с самого момента пробуждения ещё никто не прикасался к его железе.

Шторм информационной эссенции делал его уязвимым, но мысль о метке пугала ещё сильнее. Он слышал, что Альфа должен прокусить кожу, впрыскивая свою эссенцию прямо внутрь органа. Омеги в этот момент бьются в агонии от боли и шока, а Альфы держат их мёртвой хваткой, не давая вырваться, пока процесс не завершится.

Ланс мог контролировать лицо, но не тело. Его мышцы были натянуты как струны, он затаил дыхание, а по вискам катился пот. Как бы он ни отрицал это, ему было страшно. Он мог

выдержать любую физическую боль, любой ментальный ужас, исходящий от Внешнего бога, но мысль о том, что чужая эссенция вторгнется в его тело, лишала его всякого чувства безопасности.

Юноша стиснул зубы. Солёный пот попал в глаза, слёзы намочили подушку. Кровавая лента бесшумно упала на пол, и от этого звука Ланс вздрогнул.

«Только один раз, — твердил он себе, — это быстро закончится...»

— Тише, малыш. Не бойся. Не будет никакой метки, — раздался над самым ухом тихий, успокаивающий голос.

Не было ни боли от укуса, ни ужаса вторжения. Лишь горячая, сухая ладонь мужчины накрыла его шею, нежно поглаживая воспалённую кожу.

В следующую секунду тот властно приподнял его за подбородок и накрыл его губы своими, вовлекая в глубокий, не терпящий возражений поцелуй. Мощная информационная эссенция S-ранга хлынула в него вместе с этим дыханием, обжигая язык и нёбо.

Ланс замер. Его пальцы, занесшие было яд над спиной мужчины, судорожно сжались, пряча Мотылька Эжун обратно в ладонь.

<http://bllate.org/book/15867/1432226>